

Бо Вэньгуань не поехал в свой родовой особняк, а вернулся в квартиру, расположенную в центре города. Это жилье отличалось великолепной приватностью и мощной системой подавления феромонов, так что даже если бы оба они источали их в таком количестве, будто на фабрике духов взорвался резервуар, никто бы ничего не заметил.

Он бережно уложил маленького омегу на кровать в своей спальне и включил свет.

Раньше, в полумраке киностудии, он не успел как следует его рассмотреть. У этого омеги оказалась поистине уникальная аура. Бо Вэньгуань влажным полотенцем аккуратно протер его виски и щеки, пропитанные потом. Нужно признать, хотя он изучал теорию в книгах и вокруг него всегда было полно омег, вкус настоящего, живого омеги обладал особой прелестью. Его кожа, тонкая и прозрачная, словно крылья ангела, на ощупь напоминала нежнейший шелк. Лежа здесь, он выглядел как картина, вышедшая из-под кисти средневекового мастера.

Бо Вэньгуань повернул его на бок, чтобы протереть железу на затылке. Во сне омега весь задрожал, стоило лишь коснуться чувствительного места. Кровавый след от зубов на железе уже затянулся корочкой, но Бо Вэньгуань все же нанес тонкий слой противовоспалительной мази. Закончив с этим, он отнес его в ванную. Ощущения от прикосновения к омеге не шли ни в какое сравнение с бетами — просто держа его на руках, он чувствовал, будто владеет целым миром. Бо Вэньгуань решил, что утонет в этом на семь дней. А когда через неделю омега придет в себя, он щедро вознаградит его — неважно, нужны тому деньги или связи. К тому же он всегда был человеком широкой души.

За эти семь дней в компании Бо Вэньгуаня разразился настоящий пожар. Первые три дня он не отвечал на звонки и сообщения, а почта так и оставалась непрочитанной. Желтая пресса, которой только дай повод посеять хаос, начала безответственно привлекать внимание публики:

Имперские сплетни: Долго ли продержится компания киноимператора и богатого наследника?

Друг омег: Шок! Любимец омег совершил немыслимое...

Альфа-еженедельник: Искушение, перед которым не устоит даже чистокровный альфа. Все тайны киноимператора раскрыты для вас...

Ассистент Бо Вэньгуаня, Цзян Тяньлэй, невозмутимо рассылал адвокатские уведомления в каждое из изданий, но это ничуть не убавляло их пыла.

На четвертый день Цзян Тяньлэй потерял терпение. Если он и его пиар-команда не погасят этот бушующий пожар сплетен еще через пару дней, компания может просто сгореть, и тогда им всем придется начинать карьеру с нуля.

Цзян Тяньлэй позвонил Бо Тайнину. Если бы не чрезвычайная ситуация, он ни за что не стал бы связываться с этим вторым молодым господином. Как и ожидалось, едва ответив, тот раздраженно бросил:

— Чего тебе?

— Твой брат в последнее время возвращался домой? — попытался Цзян Тяньлэй говорить вежливо.

— Я на съемках, откуда мне знать? — ответил тот, балансируя на грани того, чтобы вывести собеседника из себя.

— Тогда позвони управляющему своего особняка и спроси, не заезжал ли брат. — Цзян Тяньлэй про себя повторял: Он еще ребенок, ему всего двадцать три, я не должен опускаться до его уровня.

— Брат и так редко бывает в особняке, с чего управляющему знать? — на фоне слышались щелчки компьютерной мыши, свидетельствующие об игре.

Цзян Тяньлэй взорвался:

— Твой брат не выходит на связь уже четыре дня! Ты, как младший, хотя бы поинтересовался?

Бо Тайнин наконец пришел в себя:

— Что? Четыре дня? Но четыре дня назад он заезжал на съемочную площадку. — Он задумался. — Я знаю, что брат купил новую квартиру. Скину тебе адрес, съезди туда.

На телефон Цзян Тяньлэя пришло сообщение с адресом. Надо было сразу звонить, подумал он.

Как выяснилось, бедного ассистента-бету ждали неприятности при попытке потревожить босса.

Добравшись до нужного места, он уперся в охрану: частная территория, вход без разрешения владельца запрещен. Здесь жили сплошь предприниматели и звезды, платившие бешеные деньги за обслуживание, и если пропустить внутрь переодетого папарацци, можно было лишиться работы. Охранники смотрели на Цзян Тяньлэя, как на вора, несмотря на то что он приехал на крутом спорткаре.

Дозвониться до Бо Вэньгуаня не удавалось. У Цзян Тяньлэя не было выбора, кроме как продемонстрировать охранникам совместные фотографии с боссом, старые сообщения и историю звонков, а затем почти угрожающе добавить:

— Наш босс не берет трубку. У него слабое здоровье, он очень хрупкий. Если он сейчас упал в обморок у себя дома, а никто не знает, вы будете нести за это ответственность!

Охранник, испугавшись сурового взгляда, после регистрации все же пропустил его.

А хрупкий босс, чье здоровье беспокоило Цзян Тяньлэя, в это время вовсе обливался потом на беговой дорожке. Чтобы поддерживать форму и дать своему омеге почувствовать максимум заботы и исключительный опыт, ему необходимо было обладать крепкими мышцами и выносливым телом. А сытый омега в это время видел сладкие сны на огромной кровати.

Раздался звонок в дверь. Этот «хрупкий» босс нажал на паузу и через видеодомофон увидел своего ассистента. Открывать он не стал — в этот момент это означало бы выдать, чем он занимался всё это время.

— Что случилось? — спросил он через переговорное устройство.

— Босс, вы наконец ответили! — несмотря на то, что это был домофон, Цзян Тяньлэй не сдержался. — Ваш телефон всё время вне зоны доступа, у нас в компании полный хаос. Что вы делали дома все эти дни? — Хотя он знал, что не должен спрашивать о личной жизни, сейчас, когда рекламодатели и киностудии бомбардировали их звонками, он отчаянно нуждался в ответе.

— А, я тут увлекся садоводством... Телефон был выключен. Возвращайся пока, я сейчас включу его и начну разбираться с делами, — не моргнув глазом, ответил Бо Вэньгуань. Не зря же он был киноимператором.

Этот жилой комплекс был элитным особняком с садом, девиз которого гласил: Мы удовлетворяем все потребности владельцев. По пути сюда Цзян Тяньлэй видел перед одним из таунхаусов бассейн с дорожками, так что садоводство на террасе не казалось чем-то странным. К тому же следующее шоу Бо Вэньгуаня было посвящено жизни в деревне, так что это можно было списать на профессиональную подготовку.

Цзян Тяньлэй мысленно поднял большой палец вверх, подумав: Киноимператор есть киноимператор, ради карьеры готов преодолеть любые трудности, отринуть мирскую суету и сосредоточенно заниматься садоводством — уровень, недоступный простым смертным. Успокоившись, он сказал:

— Вы только не перетруждайтесь, а то если будете слишком хорошо разбираться в сельском хозяйстве, это ударит по самооценке других участников. — Цзян Тяньлэй уже видел капли пота на лбу босса и слышал его сбивчивое дыхание.

— Понял. В компании пусть пиар-команда пока держится, я должен закончить с грядками. — Бо Вэньгуань подумал про себя: Какого же божественного ассистента я нанял? Божественно понимающий, а грядки, которые он возделывает... это ведь целое плодородное поле.

Он так спешил наверх, что оставил телефон в машине, да и за эти дни работа, компания и прочее вылетели из головы. В его глазах был только омега, лежащий на кровати.

Надо сказать, влечение альфы и омеги заложено в генах, никто не может избежать этого искушения. Глядя на вырытый на террасе огромный пруд для рыбы, он позвонил по внутренней связи в управляющую компанию:

— Через три дня наймите строительную бригаду, я хочу засыпать пруд. А еще найдите мне настоящего крестьянина, пусть посадит сезонные овощи.

Ответил самый старый сотрудник управляющей компании, который привык к странным прихотям богачей:

— Хорошо, господин Бо. Вы бы следили за своим здоровьем, негоже такому молодому быть

таким слабым.

Бо Вэньгуань, услышав это, понял, как именно его ассистент попал внутрь, и невольно прорычал сквозь зубы:

— Спасибо за заботу, дедушка.

Старик есть старик — нашелся человек, который сумел оставить киноимператора безмолвным.

Цзян Тяньлэй успокоился: пока Бо Вэньгуань намерен управлять компанией, ему не придется возвращаться домой и наследовать миллиарды. Он уже собирался уходить, как вдруг заметил в мусорном пакете у двери упаковку от питательной смеси. Пакет был розового цвета — в Империи это означало, что смесь предназначена для омег в период течки. Посмотрев на мусор, он пришел к выводу: Сосед киноимператора ведет себя крайне неприлично, раз бросает мусор прямо у порога босса.

Семь дней пролетели незаметно. За эту неделю Бо Вэньгуань узнал, что такое блаженство, а Янь Сюй — что такое нежность.

Янь Сюй потерял глаза. Рассудок начал возвращаться, и он обнаружил, что лежит на мягкой кровати в полумраке, за плотными шторами.

— Где это я? — пробормотал он.

Как только он открыл рот, то почувствовал, что голос охрип и стал похож на грубую наждачную бумагу. Он сел и понял, что на нем нет одежды.

— Есть кто-нибудь? — крикнул он изо всех сил, но ответа не последовало.

На него внезапно нахлынула паника. В тот раз, когда он был в Чжоучао, его точно так же, как яйцо, очистили от скорлупы и бросили в темноте. Тогда его опоили зельем по приказу матушки из того же дома, тело обмякло, и он не мог сопротивляться, лишь смотрел, как сын господина Ли, похожий на ядовитую змею, ползет к нему, обвивает, сжимает и высовывает раздвоенный язык, слизывая кровь с его пальцев. Он сломал его тонкие пальцы, которыми тот играл на цитре, а потом наступило удушье и безнадежность, вечная тьма.

Словно погрузившись в кошмар, он, не обращая внимания на слабость, в отчаянии сполз с кровати и пополз к свету, плача и повторяя:

— Есть кто-нибудь? Есть кто-нибудь?

Его нежная кожа оставляла красные следы на дорогом фланелевом ковре. Для него свет был надеждой, единственным способом выбраться из кошмара.

На самом деле это был побочный эффект после семи дней. Поскольку за это время он привык к присутствию альфы, к его аромату, питавшему его, стоило ему лишиться этого, как он

почувствовал тревогу и острую нехватку безопасности. Поэтому альфа должен был всегда быть рядом.

<http://bllate.org/book/21485/2198909>